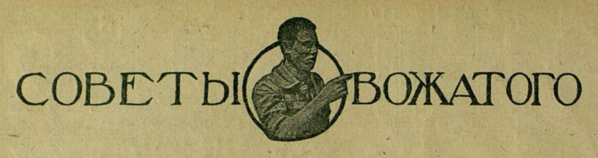
ПИОНЕР № 12

Я. Смоляров

Клубная работа в лагере

Было бы очень плохо, если бы различные коллекции, которые собирает отряд в лагере, стенгазета и другие клубные работы находились в лагере где попало. В лагере необходимо место, в котором бы вся работа пионеров распределялась в образцовом порядке. Кроме того, в лагере нужно иметь постоянное место, где бы во время ненастной погоды отряд целиком имел возможность работать, читать, устроить спектакль и т. д. Вот для чего хорошо иметь клуб лагеря.

Клуб в лагере—это не то же, что клуб отряда в городе. Там, в городе, у нас все организовано основательно, здесь клуб должен иметь походный вид, чтобы его легко было свернуть. Лучше всего построить клуб либо из большой палатки, либо сделать специальный навес. Можно организовать такой клуб из комнаты. В таком клубе пионеры развешивают свои плакаты, лозунги, флажки, одним словом, клуб должен привлекать общее внимание всех, которые заинтересуются лагерем. Но самой интересной вещью в лагере будет радио; нужно во что бы то ни стало постараться устроить радио и при передачах приглашать ребят и взрослых; при этом в клубе тут же можно устроить небольшие беседы о значении радио, о том, что собой представляет его аппарат и т. д. Для советов в организации радио хорошо воспользоваться журналами «Пионер» и «Радиолюбитель».

Вся жизнь пионерского отряда в лагере должна отражаться в его стенной газете. Не нужно только очень разбрасываться в газете, она должна состоять из следующих отделов: а) наша жизнь— в этом отделе отражается вся жизнь в лагере, все его недостатки и хорошие стороны; затем следующий отдел должен быть: б) как живет село, деревня, где находится пионерский лагерь. В этом отделе пионеры помещают материал из жизни деревенских ребятишек и пионеров, описывают также факты из отношения крестьян к юным пионерам. И еще один отдел, который очень важно иметь в стенной газете лагеря, это: в) город— в этом отделе пионерам нужно описывать жизнь ребят, которые остались в городе, помещать их заметки, письма родителей и вообще различные новости из города. Выпускать лагерную газету лучше всего раз в неделю, но уж стараться сделать ее хорошо, главное, что надо себе запомнить, это то, что писать-то газету нужно четким и ясным почерком, так, чтобы малограмотный крестьянин мог ее прочитать. Хорошо сделать 2 экземпляра газеты: один помещать в клубе, а другой в деревне, например, у избы-читальни. Если же пионеры будут выпускать только один экземпляр газеты, то в первую очередь его надо направить в деревню, на 2—3 дня, а затем только вывесить в лагере.

Таким образом, и газета, и радио, и другие уголки должны быть собраны в пионерском лагерном клубе; здесь пионеры проводят ту работу, которая относится непосредственно к их внутренней жизни; но этого мало, еще очень много работы имеется и вокруг, в деревне, среди ребятишек; об этой работе мы сейчас поговорим.

В одном дневнике из жизни лагеря пионер записал: «Мы пошли по деревне— Фролов шел с барабаном, а Новиков с горном; на поле работали крестьяне; один крестьянин на нас ругался: «люди работают, а вы с барабаном ходите»; но мы не обращали никакого внимания». Вот как пионер описывает подвиги одного отряда в деревне; конечно, так поступать ни в коем случае не следует, мы уже говорили, что нельзя выезжать в лагерь и там только бездельничать,— плохо посмотрят крестьяне на таких пионеров. Еще в городе надо подготовиться к работе в деревне, захватить библиотечку по вопросам сельского хозяйства, переговорить с вожатым, ячейками партии и комсомола о том, что и как нужно раз'яснять крестьянам; хорошо подготовить в лагере пьеску, а затем устроить спектакль, на который пригласить крестьян; нужно также подготовиться и к чтению пионерами газет, популярных книжек для крестьянок и для их ребятишек. Затем нельзя забывать и пионеров в деревне.

В летнее время пионерские отряды деревни особенно слабо работают, при помощи же городских ребят можно будет многое сделать для того, чтобы отряд начал хорошо работать; больше всего внимания следует обратить на гигиену и санитарию.

Готовясь к жизни в лагере и уже в самом лагере пионеры от врача, от вожатых получат очень много интересных сведений о том, как следует охранять свое здоровье. Все эти сведения не нужно оставлять у себя, нужно устраивать беседы с ребятами, организовать гимнастику. Конечно, все это надо делать с помощью вожатого и врача. Каждый отряд, выезжая в лагерь, на практике убедится в том, как много интересной и очень важной работы есть в деревне для городских пионеров.

Живя в лагере, нужно записывать и учитывать лагерную работу. На всем этом учете будут потом строить свою работу другие ребята, выезжающие в лагерь. Вот почему очень важно в лагере вести учет работы лагеря.

Главная часть этого учета заключается в том, чтобы: 1) вести регулярно записи в звеньевых дневниках; 2) точно записывать работу совета отряда лагеря, собрать все материалы из экскурсий и, кроме того, вести общий дневник лагеря отряда. С этим делом до сих пор обстоит неблагополучно: часто было так, что даже неизвестно, кто ведет лагерный дневник, у кого он находится на руках, как он заполняется; а потом в городе где-нибудь в архиве отряда найдут истрепанный, грязный дневничок,—так поступать, конечно, не следует. Запись в отрядном дневнике нужно вести всем членам совета отряда по очереди и записывать нужно все в живой форме, с указанием недостатков и достижений, а также делать в конце выводы; писать надо разборчиво, чтобы каждый мог в дневнике разобраться. Точно так же нужно вести звеньевой дневник. Вот в одном из дневников звена описывается следующее: «Сегодня звеном ходили помогать бедной крестьянке убирать хлеб»—и только, а ничего не написано, что сделано при уборке, где, сколько ребят работало, как крестьянка отнеслась к этому, что говорила, какое настроение было у пионеров при работе,— об этом ничего в записи не сказано. Такая запись никуда не годится, лучше всего спросить о том, как вести дневник у вожатого отряда, посоветоваться с звеном, а затем также зачитывать все записи за неделю на общем сборе звена.

Только тогда, когда мы будем точно учитывать всю нашу работу в лагере, когда будем копить весь его материал, мы уже в городе, готовясь к зимней работе, сумеем организованно подвести итоги, а это проделать, конечно, необходимо. Пионерский клуб украсится уголком, выставкой из жизни лагеря, стенгазетами, снимками и различными другими материалами лагерей. И на вечере, который специально организует отряд, посвященном жизни и работе в лагере, все гости—приглашенные родители, рабочие, коммунисты и комсомольцы — сумеют на основании этих материалов, отчетов и на внешнем здоровом и бодром виде ребят убедиться, что лагерь юных пионеров является действительно лучшим местом укрепления здоровья юных пионеров.

СОДЕРЖАНИЕ:

Главлит № 65.163. 5-я тип. «Транспечати» НКПС «Пролетарское Слово», Москва, Южный пер., д. 4. Тираж 24.000.

ГОД ИЗДАНИЯ 3-й

К борьбе за рабочее дело—будь готов!

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА

На 12 м.	3 р. — к.
„ 6 „	1 „ 60 „
„ 3 „	„ 85 „
„ 1 „	„ 30 „

ПИОНЕР

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ

ОРГАН

ЦЕНТРАЛЬНОГО БЮРО ДЕТСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМ. В. И. ЛЕНИНА ПРИ ЦК ВЛКСМ И НАРКОМПРОСА

АДРЕС РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ

Москва, Новая площадь 6/8, Издательство „Молодая Гвардия"

№ 12 ИЮНЬ 1926 г.

Вторая годовщина переименования организации юных пионеров

Парад пионеров на Красной площади в Москве 23-го мая 1926 г.

А. Кожевников — *Рис. В. Ефанова*

РАССКАЗ

В ТОТ день Петрокаменский завод не работал. Стояли все цеха, не стучали молота, не гремели железные листы, и дым из трубы валил не клубом, а тоненькой струйкой. Весь народ с утра пошел с флагами, с песнями гуртом по улицам. На площади комсомольская ячейка дула в большие медные трубы, и трубы орали «Интернационал», «Смело мы в бой пойдем за власть Советов».

Климка надернул опорки, волосы прихлопнул отцовской кожаной кепкой и стриганул на площадь. Там помогал комсомолкам петь «Молодую гвардию», подержал за древко флаг листокатального цеха и все спрашивал у рабочих:

— Скоро ли домну открывать?

— Скоро, сегодня... не вертись, стой смирно, говорить будут.

В тот день Петрокаменский завод пускал доменную печь. Она с восемнадцатого года и до двадцать пятого стояла холодная. Говорили, что в ней совы навили гнезд, а по стенкам проросли грибы. На счет грибов было неправда, нелегко вырасти на камне, а совы будто и в самом деле угнездились. В тот день собрались все петрокаменцы, чтобы сказать домне:

— Довольно тебе стоять пустой и холодной! Довольно, берись за свое дело, плавь нам чугун!..

Были у всех петрокаменцев веселые лица, зычные голоса, легкий, не усталый шаг. И понятно—задымит домна, и конец безработице, конец нужде... Полсотне рабочих—кусок хлеба и полсотне семей...

Собирались на площадь не только те, кто был на своих ногах, а и другие:—старым-старые старики притащились с палками, с костылями, мелюзга на руках у матерей. Пришел и Стратон—Климкин дедушка. Куда бы уж ему—десять лет от завода отчислен на покой, а приволокся. Увидел Стратон Климку и сказал:

— Ты, петух, здесь... Я, вот, я, вот, тоже еле-еле, а притопал .. Домна, брат, сурьезная штука. Теперь завод полным ходом, по-довоенному... А?.. чувствуешь, теперь, може, и наше колесо скорей побежит...

У Климки и у Стратона плохая подошла жизнь, расхлябалась, как колесо на ухабах... Сам Стратон—девяносто лет... Климка—четырнадцать, значит не добытчик, а рот. Сестренка Олька меньше Климки... А четвертая—Климкина мать, она и кормила всю семью.

Климка полный человек, не хуже других, и у него был отец.

Да всяко в жизни случается: убит отец в гражданскую войну и похоронен в братской могиле у Старик-Камня—гора такая верстах в сорока от Петрокаменского.

— Пошли, пошли, а то не попадем в цех, подбирай ноги,—заторопился Стратон.

Весь народ повалил в цех. Климка—клином промеж взрослых в передние ряды, где шли председатель рика, завком и главный инженер в зеленой фуражке. Народ обступил домну, заполнил весь цех. Не одна сотня народу стояла на заводском дворе.

Говорил председатель, ячеечники, инженер, размахивали кулаками, грозились. Климка понял, что грозили Колчаку, белым, которые потушили домну.

— Севодни, товарищи,—заговорил рабочий Буланов, назначенный мастером в домне,—забросим мы ей в пузо, домне то-есть, огонь и не дадим ему затухнуть,—пусть горит все время, вечно, покуль не развалится она, голубушка, по кирпичику. А развалится, так новую выстроим, не допустим до себя разруху, упадок промышленности, не допустим безработицу и бумажку вот эту, на которой писали безработных, бросим в огонь, в домну. Гори, не нужна!.. Ну, товарищи, зажигай!..

Зажгли в домне уголь, зашумело у нее в брюхе, повалил из трубы черный, густой дым... Пошел каждый и заглянул в домну, а пламя в ней шумело, разгоралось, добралось доверху. Заглянул и Климка, а пламя вырвалось языком, лизнуло Климкину кепку, он отскочил.

Буланов кинул в пламенный язык список безработных, и бумажка сгорела.

— Ну, теперь не потухнет, не дадим... За дело, товарищи.

Взялись рабочие за короба, за лопаты и давай нагружать домну рудой и углем.

Комсомольская ячейка опять дула в трубы и они громыхали на весь завод... Народ пошел по домам, понес флаги, каждый понес радость, что ожила домна, которая близка рабочему, как самый первый друг...

Проводил Климка по домам все флаги и сам домой. Дед Стратон сидел у ворот и руками перебирал свою длинную серебряную бороду: думал дед,—была у него привычка во время дум перебирать бороду...

— Ну, набегался?

— Да.

— Ловко Буланов выдумал—в огонь бумажку... А наша вот бумажка, с нашей безработицей, не сгорела...

— Какая бумажка?

— На которой мы записаны...

— Мы не записаны.

— Про то и говорю, что нашу безработицу Буланов не сжег,—были мы без дел, так и теперь, домна нам ничего не прибавила, ничем нас не утешила...

Климка сразу потерял всю радость. Прав Стратон, что им домна ничего не дала, так они и останутся последней беднотой на заводе.

Дед—стар, Климка—мал, а есть и тому и другому надо...

И в эту радостную для всех ночь заснул Климка с заботой, без радости... Во время сна увидел, было, сон, что стоит у домны и лопатой кидает в нее руду, да рявкнул заводский гудок, взвыл, вызывая утреннюю смену, и пропал Климкин сон. Старался парень увидеть его еще раз, увидеть, что же там дальше, но сон не вернулся...

Утром Климкина мать ушла на завод, она там в конторе мыла полы, подметала и топила печи. Платили ей за это 24 р. 63 к., на них и держалась вся семья. Стратон рыбачил на заводском пруду, и рыба была всегда своя, по летам Стратон собирал грибы и делал засол... Климка был не у дел... Научился он у рабочих делать зажигалки и в голодные годы кой-что выручал за них. С 23 года не в ходу зажигалки, появились спички, и Климка забросил свое ремесло. Хотел он попасть на завод, да ему сказали:

— Теперь не старые времена, мальцов не берем. Дорасти до 16 лет, тогда пожалуйста.

В одно время ходил Климка в школу обучался грамоте, да недолго находил. Как ударили морозы, так и отстал: не было у Климки валенок, не было шубенки...

Была надежда у Климки, что с пуском домны оживут они, встанут на ноги... Не знал он, как это случится, а надеялся, бодрился... И когда шел ко вновь пущенной домне, то ждал—вот-вот случится что-нибудь хорошее для него. Может, потребуется мальчик-ученик, может гонщик к таратайке, возить руду...

Поднимался Климка к самому верху, откуда грозилась домна пламенем, глядел на выпуск чугуна. В цехе тогда было нестерпимо жарко, от жидкого чугуна прыгали брызги, как кусочки солнца. Ничего не нашел утешительного для себя. На каждом месте стоял человек, и Климка был не нужен. Пошел парень, где выгружали из вагонов древесный уголь для домны... Над рабочими крутилась черная, густая пыль, зачернила их, белели только зубы и белки глаз...

— Климка, чего без делов шляешься?—хлопнул его по плечу рабочий.

— Шляюсь, потому делов нет...

— Может, не хочешь работать, лень празднуешь?..

Обиделся Климка.

— Ну, ну, ты не дуйся, я пошутил, ведь. Если хочешь работать, теперь самый удобный момент, пропустишь его, никогда не получишь...

— Да где, чего?..

— Вот где—уголь жечь. Домна, знаешь, сколько жрет его. Сегодня же иди в контору и бери подряд, а то мужики из деревень разберут все и останешься на бобах. Тебе если не дадут, деда Стратона приведи, ему дадут. По 20 коп. за куль дают и лес готовый... Иди, тебе эта работа под силу, а главное—никто не спросит, много ли годов, не молод ли...

«Так вот чем подымет нас домна», и Климка бегом в контору, а рабочий кричал ему вдогонку:

— Сперва с Булановым переговори, с главным мастером.

— Ладно,—откликнулся Климка.

Поймал Климка Буланова у домны. Ходил он в брезенте, в валяной широкополой шляпе, наблюдал, как дробили руду, некоторые куски откидывал в сторону,—они не годились.

— Товарищ Буланов,—позвал Климка.

— Чего тебе?..

— Говорят, уголь требуется?..

— Требуется.

— Я бы... может, мне можно работать, у меня заработку никакого.

— Чей ты?

— Стратонов внучек.

— А-а, знаю... Уголь... уголь... ну что, пожалуй вы и справитесь... Ты сходи домой, приведи старика в контору...Я приду туда, поручусь за вас, и напишите договор. За Стратона я поручусь...

— Севодни это в контору?..

— Сейчас же, торопись... Деревенских полно, углем тоже все набиваются.

Мчался Климка вихрем по заводской улице, одной рукой поддерживал штаны, которые плохо держались, другой бок. В нем начало сосать от бега...

— Дедушка Стратон, где?..—влетел в избу.

— Тише ты— спит дедушка, дурной,—зашикала сестренка Олька.

— Спит, где?

— Не велел он будить, с рыбалки только пришел...

— Где спит, спрашивают, говори!..

—Не велел, рассердится.

— Не рассердится, торопиться надо... ну?..

— Не скажу.

— Сам найду, —Климка полез на полати, в клеть и нашел Стратона в огороде. Раскинул он на траву свой армяк и спал. Солнце запуталось в длинных волосах, в серебряной бороде Стратона, пригрело старика.

— Дедушка, спишь?

Не шелохнулся Стратон, лежит, как камень-валун...

— Дедушка, вставай, работу я нашел. — Климка взял старика за руку. Дрогнули у Стратона веки, поднялись и опять упали...

— Дедушка, скорее надо, разберут все подряды. — У Климки нетерпенье, взял он старика за плечи, тормошит..

— Вставай, в контору айда... Дедушка!..

— А? што? кто здесь? — проснулся старик. — Ты, Климка, чего тебе?..

— Работа нам есть, уголь жечь для домны, пойдем, там Буланов, — и поехал Климка, как по-печатному.

Слушал дед, протирал глаза — не сон ли это ему снится. Нет, перед ним стоит настоящий Климка в кожаной кепке, швыркает носом и торопится, рассказывает...

Понял дед, улыбнулся, зашевелилась от улыбки борода.

— Айда, коли так! — и оба заторопились в контору. Стратон даже посох свой забыл, а не выпускал его из рук уже много лет...

Сильно обрадовался старик.

— Вот и наша безработица сгорела,— говорил Климка Стратону.

Шли они из заводской конторы; там заключили договор на поставку угля к домне. Климка вел за собою старого заводского мерина, которого до девятнадцатого года звали «Графчик», а потом— «Блюхер».

— Дедушка, я этого мерина давно знаю... товарищ Блюхер, когда пришел к нам со своей дивизией, его оставил. Обезножил он с перегону и от опою. Долго он в заводской конюшне был, на ноги не мог подняться, лежал на боку, то стоял на коленках... скажешь ему:

— «Графчик»!..

Он заржет, повернет голову, годняться хочет, а не может...

Недели через три поднялся, пустили его тогда на пустырь за завод, на траву. Скоро он там пошел на поправу. Шугнешь его, он отбежит, другой раз и скоком.

Собралось нас ребят заводских много и задумали мы «Графчику» дать новое имя. Снять с него старорежимное... Колька

Климка начинает подрубать сосну.

Бабкин говорит:

— Назовем его «Колчаком».

А ему в ответ.

— Чем лучше Колчак Графчика, тоже старорежимец.

— Ну тогда «Разверстка».

Засмеялись все.

— Кобылу так можно назвать, а то мерин и—Разверстка.

— А если «Комиссаром»?

— Нельзя «Комиссаром», у Петьки Треухова собаку так зовут...

Спорили долго, потом догадались назвать «Блюхером», потому он из его дивизии был.

И начали приучать мерина к новому имени. Взял его Колька Бабкин за челку и говорит:

— Ты теперь не «Графчик», а «Блюхер»...

— Блюхер, Блюхер, Блюхер, запомнил?

Ест мерин траву... мы ему:

— Блюхер, иди сюда!

А он ест, как не слышит...

Тогда мы ему:

— Графчик, иди сюда...—Он заржет и подбежит, а Колька Бабкин бить и ругать его:

— Ах ты, зверина, старорежимец, ах ты, четвероногая контр-революция! Да я тебе ребра переломаю, оставлю меньше, чем у Адама!.. Блюхер—ты!

Позовет Блюхером, мерин ухом не дрогнет, а как Графчиком—бежит... Колька его бить, ругать... Довели мерина до того, что он начал убегать от нас... А мы его поймаем, привяжем к березе и опять учить. Выучили, ведь, стал понимать, что его зовут Блюхер, и подбегать стал. Только и «Графчика» не мог забыть, так на оба имени и откликался. Сколько палок об него переломали, бичей исхлестали, а он не забывает и шабаш... Так и оставили двухименного...

— Блюхер!—позвал Климка. Мерин заржал.

— Графчик!—Мерин опять заржал...

— Видишь, помнит...

— Конь, ведь, не хватает у него разуму на наши людские выдумки... ты его не бей...

— Что ты, дедушка?! Теперь он наш и никому уж не дам тронуть.

Подписали Стратон и Климка с заводоуправлением такой договор:

Обязуются они каждый месяц поставлять заводу двести кулей углю по 20 коп. за куль... Лес будет давать завод из своей дачи... Дает завод им мерина «Графчика» (Блюхера) за пятьдесят рублей... и могут они платить за мерина в продолжение года.

Дали Климке из заводского кооператива книжку, может по ней брать товар в кредит... В договоре пометили, что сестра Олька может учиться в заводской школе, и за ученье с нее не будут брать плату...

— Вот она началась жизнь-то настоящая... Хочешь—учись, хочешь—товар бери, а все домна,—радовался Климка, радовались все. Мать в тот же день пошла с книжкой в кооператив и взяла в кредит Ольке красный платок, Климке—кожаные рукавицы, а дедушке Стратону—новую трубку и тюбик свежего табаку.

Петрокаменский завод стоит на реке Каменке. Выходит Каменка из гор, вода в ней холодная и чистая. Нет в ней ни песку, ни глины. Бежит речка Каменка по дну из чистой белой гальки, в каменных берегах. Глядятся в нее лесистые горы, глядится сосновый лес...

Стратон и Климка живут в лесу на берегу Каменки. У них шалаш, таганок для варки, сено для спанья... Рядом угольная куча и пустая яма, которую нужно заполнять сосновыми поленьями. На лесной поляне ходит стреноженный Блюхер.

Холодное, росистое утро. Небо за горами в заре, и верхушки гор зарумянились от зари...

— Климка, будет спать, будет...—трясет парня Стратон... Он уже давно на ногах, сварил уху и чай, наточил пилу и топоры.

Климка встает с неохотой—у него болит все тело, оно не отдохнуло за ночь.

— Утро уж?—больно скоро...

— Утро...

— Я ровно только сейчас уснул,—удивлен Климка, что ночь пролетела так быстро, как птица.

Умывается Климка в холодной Каменке, потом ест уху и пьет чай. А из-за гор ударяет солнечный луч, ударяет он в Каменку, в топоры и в пилу. Сверкает Каменка, сверкают топоры и пила, как полоса начищенной меди...

Блюхер ходит поодаль, ест траву и шуршит большим шуркуном, который привязан ему на шею.

Стратон и Климка идут в сторону от своего шалаша. Стратон пробует сосны, он ударяет обухом по стволам. Одни стволы звонят, как колокола, и на них Стратон делает глубокие сапины—годны на рубку.

Другие—гудят глухо, как короба, их оставляют без сапин—не годны для рубки.

Как только загудели сосны под топором, прошла у Климки вся усталость, он бодр, весел... А где-то вдалеке закуковала кукушка, и несется ее кукованье по всему лесу, по горам. Еще радостней от этого кукованья, и Климка кукованием же начинает отвечать кукушке. Потом Стратон и Климка становятся на колени перед громадной сосной и начинают ее подпиливать под самый под корень. Дед и Климка поочередно отдают поклоны сосне, а пила врезается глубже в ствол, выбрасывает две белых струи опилок.

Сосна начинает вздрагивать сучьями и вершиной... Испуганная ворона покидает гнездо и в смятеньи кружит над деревом. Она не может понять, отчего задрожало дерево... Климка достает пилу и начинает подрубать сосну широкими взмахами отточенного топора. Стратон поднял голову вверх, неотступно смотрит на вершину дерева.

— Будет, пошла, пошла, лево, бери лево!—кричит Стратон.

Климка отбегает с топором влево. Сосна склоняет вершину, цепляется сучьями за другие деревья, но не может удержаться и с длинным треском падает на каменную землю. Охает весь лес... В своем паденьи сосна сломила вершину другой сосны, обила начисто сучья у другой и согнула целую заросль молодых, гибких сосенок... Стоят они в глубоком земном поклоне, не могут распрямиться.

Стратон стоит, устал он,—ведь, под гору катится человек, идут силы на убыль, а Климка не устал, он срезает топором сучья с сосны, покрикивает на них, будто они живые.

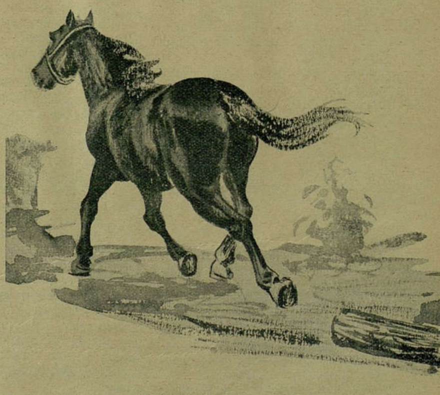
— Ну-ка, ты, катись!.. Полетел!.. Раз!—вот так, не спорь со мной!.. Не даешься, срежу!—Климка делает большущий замах, и толстый сук летит...

Отдохнет Стратон и берется помогать Климке,—и скоро сосна лежит гладкая, как корабельная мачта.

Режут ее пилой на чурбаки, а потом впрягают Блюхера в телегу и подвозят чурбаки к яме. Хромой Блюхер все еще припадает на передние ноги, а прет телегу. Понимает конь, что нужен уголь, нужно жить и Климке, и Стратону, и ему самому... Всем нелегко: двое стары, инвалиды, третий мал. Ну что же, что все никуда, а при дружной хватке идет дело...

За день не одна сосна грудью падает на каменистую землю. За день у ямы собирается большой скоп чурбаков... На другой день Стратон и Климка будут колоть их на поленья и кидать поленья в яму...

Климка в толстые чурки загоняет длинные березовые клинья, бьет по клиньям тяжелой колотушкой, и каждый удар гудит по лесу и в горах... Научился Климка владеть колотушкой и делает сильные удары,—куда до него деду Стратону...

Конь потянул аркан, порвал его...

Месяц июль... Климка и Стратон сдали заводу пятьсот кулей угля... У них заложена еще одна яма, вкатили они в нее двадцать больших сосен. Закиданы поленья землей и тлеют...

Как только пробьется где язычек пламени, Климка на него лопату земли, и нет язычка... Курится яма едким дымом; попадет дым в глаза, и надо их мыть холодной водой из Каменки, а то покраснеют и начнут слезиться...

— Дедушка!..

— Ну, Климка!..

— Давай, купим корову!

— Да на што ты ее купишь?..

— А вот на это, попросим денег в конторе, дадут... Будет готовая эта яма и заплатим...

У Климки большие расчеты на яму: громадная она, он думает получить от нее рублей около ста...

— Ежели дадут, можно купить,— соглашается дед...

— Сена для нее накосим по полянам... Иди ты домой в контору, я здесь один справлюсь...

— Справишься ли?..

— Вполне, иди, дедушка!

Стратон рад, ему давно охота сходить домой, отдохнуть... Не по летам работа... Поработает старик топором, после того всю ночь ломит плечи, спину...

— Я схожу, ты здесь не прогляди: как огонь появится, скорей его землей, а то осиляет тебя и сгорит все, вместо угля зола останется,—уходит Стратон, он верит Климке.

А Климка, оставшись один, особенно внимательно следит за ямой... У него все время наготове лопата земли... Днем было легче. Иной раз и выскочит огонек, попрыгает желтой белкой, развернет пушистый хвост, Климка раз его лопатой, и нет белочки. Ночью стало трудней, устал Климка... Чаще запрыгали огни-белки, веяли хвостами. Климка бегал вокруг ямы... Всю ночь боролся с ними. К утру пришел Стратон и сменил парня.

— Дали денег, дедушка?

— Дали...

— Ты косу принеси мне, я буду между дел косить сено.

— Ну, ладно, спи!.. Ишь разработался, не заленись!..

— Не заленюсь!..

Купили корову, Стратон принес косу, и Климка в часы отдыха косил по полянам траву. Раза три в неделю в лес к Климке приходила Олька. В звонком бидончике из белой жести приносила молока, и Климка пил его большой алюминиевой кружкой. Парень редко бывал в заводе, некогда, и он выспрашивал Ольку про заводскую жизнь.

— На площади против староверской молельни памятник будут ставить. Камень возят... И кругом памятника сад,— рассказывала девочка.—А меня в школу приняли.

— Домна как?

— Горит...

Климка и сам знал, что домна в порядке, из своего шалаша он видел черный дым от нее. Каждую ночь, когда спускали чугун, на небе полыхало зарево.

Знал, а все-таки спрашивал...

Олька уходила с пустым бидоном, Климка провожал ее из леса на дорогу и всегда наказывал:

— Корову берегите... Подзаработаем и Блюхера сменим, купим молодую лошадь.

У Климки играла фантазия. Ночами, когда он дежурил и засыпал землей шальные огоньки на яме, думал, что со временем перетряхнет домишко... Ольку пошлет в город, а сам в ликвидацию. Настоящую школу ему не кончить, поздно, а ликвидацию он сумеет.

Фантазия тащила Климку в комсомольскую ячейку... Там он будет играть на сцене и дуть в большие медные трубы.

Был день, когда чуть было не рухнули все Климкины фантазии... Повалили они с дедом Стратоном большую сосну, и упала она неладно: задела за дерево, пошла не в ту сторону и грохнула так, что дед

Спал Климка крепко, ничего не чувствовал.

насилу успел отбежать. Не успей, погиб бы под сосной. Дед с перепугу бросил пилу, и сосна прижала ее... Нечем пилить, надо доставать пилу, и взялись. Вырубили длинный шест, приладили его концом под сосну и давай гнуть через пень. Хотели приподнять сосну и выдернуть пилу...

Оба гнули шест, а сосна не поднималась. Тогда дед Стратон повис на шесте, чтоб увеличить тяжесть, но шест выдал, он переломился, и Стратон упал спиной на твердую землю...

Застонал старик, а Климка испугался и не знал, что делать...

— Климка, помоги мне встать,—позвал глухо дед.

Помог ему Климка подняться и дойти до шалаша. Там уложил Стратона на сено, сам пошел доставать пилу.

Климка придумал хитрость: он топором подкопал землю у пилы и вытянул ее. Стратон стонал, вечером он позвал Климку и сказал ему:

— Я ушибся здорово, не смогу работать... Доведи один яму... Потихоньку пойду домой и пошлю на подмогу Ольку,— и Стратон ушел, хромая и охая...

До полуночи, дольше, дежурил Климка, огни вспыхивали редко... Климку морил сон, усталость и он решил соснуть... Яму сильно закидал землей, привязал Блюхера к дереву, задал ему охапку сена, сам тут же рядом заснул...

Спал Климка крепко, ничего не чувствовал... Ни рева заводского гудка в полуночь, не видел зарева на небе от домны... Не заметил, как рыжий огонек выскочил на яме, попрыгал-попрыгал и исчез... Опять выпрыгнул и не потух, а продолжал плясать, как разыгравшийся не в меру котенок.

Поодаль выпрыгнул другой, качнулся к первому, они лизнули друг друга и слились в один общий огонь. В других местах ямы появились огни, закивали, зашипели... Осмелели они и тянулись ближе к Климке... Один подскочил совсем рядом... Было похоже, что в яму собрались белки со всего леса и устроили пляс.. И было жарко от этого пляса...

Климке чудилось, что вокруг него белки с большими, пушистыми хвостами... Много-много белок, прыгают они вокруг него, опахивают его хвостами, и жарко ему от этих хвостов, пышут они... Интересно Климке смотреть на белок, чудно, притаился он, только все ближе беличьи хвосты и жарчей от них...

Совсем близко подступили белки, Климке невтерпеж от них, хочет он убежать и не может... Ни в ногах, ни в руках нет силы. Метнулись огни к Блюхеру, ударил конь подковами в каменную землю, заржал... Потянул аркан, порвал его и скачем по каменью, через пенья. Добежал до Каменки, повернул обратно к Климке и заржал над ним тревожно и жалобно...

Проснулся Климка, вскочил.

Вся яма была в жарких прыгающих огнях, посредине большой, как пылающий, сноп... Схватил Климка лопату и давай кидать землю... Кидает, а огни не потухают, будто не землю он кидает, а горючую смолу, сухие опилки...

Кидает,—в руках уже боль, на спине пот, на лбу капли, в висках шум... В голове одно: «борись, борись, а то сгорит уголь, нечем будет платить за Блюхера заводу, корову придется продать... Сгорит уголь, и завод порвет договор, тогда пропало все... Вся жизнь в огонь, в дым. Ольку придется взять из школы, сам не думай о ликвидации».

У Климки руки работали сами, точно это не руки, а рычаги машины... Летит влажная земля, жрет ее огонь и шипит... над ямой пар и дым... У Климки боль в груди... сухо во рту, он бросает лопату и припадает к котлу с водой... Пьет ее, мочит лицо и голову. Климке легче... Тогда он раскачивает котел и плещет водой на огонь... огня меньше, густой белый пар над ямой... Пар поднимается вверх, а огни вновь начинают показывать синие языки. Земля летит на них, языки прячутся, уголья начинают темнеть... Климка видит, что он поборет огонь, только бы еще простоять с полчаса, и парень стоит не полчаса, а больше, до тех пор, пока не гаснут все огни, когда земля покрывает всю яму... Тогда Климка бежит к Каменке и в одежде бросается в холодную воду... От воды гаснет в Климке жар и он бежит опять к яме. А там враждебные злые огни вновь начинают пробиваться красными, тонкими листьями, как всходы...

Климка нещадно забрасывает землей эти ядовитые всходы, он накидывает земли толстый слой и падает на траву—у него нет сил...

На небе утренняя заря: горы—розовые, сосны-медные и над Каменкой зыбкий туман...

В Петрокаменском гудит гудок, скликает к станкам и горнам утреннюю смену... Климка слышит гудок, он послушен ему, он встает и опять кидает землю...

«Теперь им ни за что не пробиться»,— это ясно для Климки и он ложится, но третий заводский гудок опять поднимает парня, и земля летит на потушенные огни...

Выкатилось солнце, у Климки нет сил, ему не поднять пустой лопаты и он лежит на росистой траве... Он засыпает... Теперь ему не мешают жаркие белки, он чувствует прохладу, ветер, он едет, нет, он не едет, а падает камнем в бездну, в черную и пустую бездну, где не за что ухватиться... Кругом хлопья пустой темноты и страшно лететь... Ищет Климка что-нибудь твердое и чувствует, что ему подают руку, полет прекращается.

Климка слышит знакомый голос:

— Вставай, в яме огонь показался,— это говорит Олька. Она давно уже пришла, а теперь полудень... Она следила за ямой...

Климка улыбается и берется за лопату.

— Огонь—это ерунда, мы его сейчас прихлопнем, ночью у меня горела вся яма, насилу справился,—и храбрый огонек умирает под комьями влажной земли... Климка ставит лопату.—Блюхер разбудил меня. Умнай конь,—парень пошел к коню и похлопал его по шее, дал ему кусок хлеба:—Ешь, заслужил...

— К вечеру уголь дойдет, будем доставать, кулей триста, думаю, будет. Поесть принесла? я жрать хочу.

— Вон молоко и ватрушки, ночью пекли...

И Климка припадает губами к звонкому бидончику из белой жести.

Дед Стратон после паденья совсем обессилел, он сказал раз Климке:

— Не надейся на меня, я больше тебе не помощник...

Климка и сам видел, что придется ему одному жечь уголь, бороться со злыми огнями, которые ждут, когда он обессилеет, захочет спать, и норовят сожрать уголь и вместе с ним все Климкино счастье, всю его жизнь...

Первого сентября кончился договор Климки с заводом, надо было заключать новый.

— Будем?—спросил Климка.

— Будем!..

— Ничего, глянется мой уголь?

— Ничего, мастер Буланов говорит, что лучше, пожалуй, всех, доводишь ты его хорошо... Многие не доводят, привозят с древесиной...

И Климка подписал новый договор; ему накинули пятачек на каждый куль.

Пришел он домой, разложил договор на столе...

— Кто теперь мне будет помогать?

— Я не помощник,—прохрипел Стратон.—Я, видно, за твоим отцом отправлюсь. Парень, поставь отцу на могиле крест, это моя тебе последняя воля...

— Ладно,—пробурчал Климка...— Ольку отрывать от школы жалко, да и не справиться ей, пилу не сможет дергать, сосны толстые... Мамка, ты как?

— Пойду, в контору другую возьмут, безработных женщин много...

Климка с матерью поселился в шалаше у угольных ям.

— К первому снегу поеду на отцову могилу,—говорил он.

— Поезжай, поезжай, крест здесь сделай...

— Крест там сделаю, зачем его везти за пятьдесят верст.

— Здесь, здесь и освети его, окропи святой водой...

А Климка давно уже условился с Олькой, что поставит он на отцовской могиле не крест, а просто камень и напишет на нем... Не придумали еще ребята слов, которые напишут, ну, да они придумают... Олька в школе зачислилась в пионерки и она согласна с Климкой, что надо отцу поставить просто камень.

Ночью шептались ребята.

— Оль, Олька, как же быть, дед, ведь, без креста не пустит нас, заставит взять.

— И возьмем, и освятим, только не поставим...

— Обманем?..

— Обманем: скажем, что поставили, а выбросим, а то отдадим кому-нибудь...

На том и уговорились.

Сделал столяр отцу большой березовый крест и выжег на нем слова:

«Здесь покоится тело раба Божия Матвея Стратоновича К у с т о в а, убитого на поле брани в 1920 году от Рождества Господа Нашего Иисуса Христа.
Да почиет прах его в мире».

Носили этот крест мать и Стратон в церковь на освящение. Климка не пошел,—он сказал, что много дел с ямой. Олька убежала в школу и пришла поздно, крест уже был освящен и унесен домой.

По первому санному пути поехали Климка и Олька к отцу на могилу. Мать осталась дома: дедушка Стратон вовсе захирел, за ним нужен был уход... Крест лежал в санях под соломой... Блюхер весело бежал по мягкой и легкой дороге...

Покушение на В. И. Ленина. 1918 г. *Картина засл. худ. В. Пчелина*

Он стал поправляться на вольном житье в лесу...

— Выбросим крест? — спрашивала Олька.

— Я вот что думаю: поставим крест на могиле,—пусть будет он от дедушки, а от нас и от мамки—камень.

Ребята ходили на Старик-Камень и нашли братскую могилу. Там лежал большой камень и на нем высечено:

«Борцам, погибшим за пролетарскую революцию и свободу трудящихся. От рабочих масс Урала».

Ребята нашли подходящий камень, за три рубля каменотес из соседней деревни высек на нем слова:

«Матвею Кустову, убитому колчацкими бандами, от его детей и жены».

И камень этот поставили рядом с валуном, а крест—в стороне и на нем еще приписали:

«Крест этот от дедушки Стратона».

Приехали домой. Встретила их мать:

— Дедушка при смерти, тише...

Вошли тихо, но дед почуял и позвал обоих к себе:

— Поставили?

— Поставили...

— Слава Те!..—могу теперь умереть...

Дедушка ночью умер.

Всю зиму Климка прожил у своих угольных ям в маленькой землянке. Мать на ночь ездила в завод, где жила Олька и стояла корова... Злые и враждебные пробивались наверх, был у Климки теперь хороший помощник, который тушил их, это—снег.

Глядел Климка на зарево от домны, думал: «вызволила ты нас, голубушка... Год один, и пойду к Буланову и скажу: бери в штат, к домне... Уж я ей не дам потухнуть, досыта навалю и рудой и углем... Потухало зарево, и Климка шел в свою землянку спать... А сверху порошил снег мягкими, белыми хлопьями, падал на яму. Курилась она дымом и серым, густым паром...

Что читать

В. ПОКРОВСКИЙ
УНГАРКА
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Покровский Владимир. Унгарка. Рассказ. Госиздат. 31 стр. Ц. 10 к.

Много разных народов живет в СССР. Кроме русских, есть киргизы, узбеки, буряты, армяне и другие. Всех их при царе русские притесняли. Особенно плохо приходилось некультурным, маленьким народам.

Унгарка—киргизский мальчик. Пока живы были его родители, ему хорошо жилось в родном ауле. Но вот черная оспа унесла и мать, и отца. Унгарке пришлось наняться пастухом к русским, к богатым казакам. Те называли его не иначе как «собакой», есть ему давали из особой «поганой» чашки, в которую порой сливали и помои. Пришли красные. Зажил Унгарка новой жизнью.

Книжка интересная. Когда читаешь, как Унгарка с товарищами бегают по степи и купаются, кажется, будто видишь все это. Могут читать ребята с 10 лет. Можно читать вслух октябрятам—поймут.

Верга Джиованни. Клейменный рыжий. Из жизни рабочих подростков в Италии. Госиздат. 23 стр. Ц. 6 к.

Многие из вас, наверно, слыхали о великой забастовке английских углекопов. Так приходится бороться рабочим во всех буржуазных государствах, чтобы завоевать себе право на сносную жизнь для себя и для своих детей. Жизнь углекопов особенно тяжела. Опасности подстерегают их в шахтах со всех сторон, а охрана труда налажена очень плохо.

Книжка «Клейменный рыжий» рассказывает про жизнь итальянского мальчика—шахтера. Отца его задавило в шахте, и Клейменный стал работать вместо отца. Жилось ему так плохо, что даже тюрьма казалась раем.

Жуткая и правдивая книжка. Дает хороший материал для беседы о жизни рабочих в капиталистической Европе. Читать могут ребята лет с 13. Есть картинки.

Иркутов Андрей. Как живут и работают пионеры. Госиздат. 59 стр. Ц. 5 коп.

Отряд выехал в лагеря. Ребята занимаются физкультурой, помогают крестьянам. Работают без сучка и задоринки. Все у них идет как по маслу, все удается, все поспевает в срок. Беда только в том, что таких отрядов на самом деле не бывает. Писатель придумал это, чтоб об'яснить, какие обычаи у пионеров. Серьезным ребятам не нравится эта книжка. «Не настоящее это все», говорят они. А любителям приключений она тоже не подойдет, настоящих приключений в ней нет.

Но пионерские обычаи об'яснены хорошо—понятно, правильно и нескучно. Поэтому книжка может пригодиться для чтения с октябрятами и с ребятами не-пионерами.

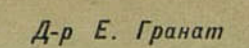
Головчинер Виктор. Гаврош.— Пьеса в одиннадцати картинах, по роману В. Гюго. 40 стр. Изд-во «Молодая Гвардия». Ц. 20 к.

«Гаврош»—пьеса из времен французской революции. Герой пьесы, именем которого пьеса названа, Гамен—парижский беспризорный. Он—гроза рыночных торговок и враг полицейских. Будучи сам без крова, берет под свою защиту и попечение двух маленьких брошенных ребят. Он делится с ними последним. В пьесе показаны приключения Гавроша, его подвиги и смерть на баррикадах.

Большим недостатком пьесы является трудность постановки. Без взрослых здесь не обойтись и не стоит без них браться за нее. С участием взрослых может получиться интересный спектакль.

Для облегчения постановки можно выбросить несколько сцен, например, 2,3,4,5 и 10-ю. Останется половина, которую будет легче поставить.

Кое-где в пьесе встречаются трудные и непонятные слова,—это тоже большой недостаток. Автору надо было бы поработать над пьесой, чтоб она больше подходила для детей.

Д-р Е. Гранат

БЛИЖЕ

Солнце, воздух, вода, и

Игра в мяч.

Солнце управляет всей жизнью на земле. Большинство животных и растений, населяющих наш земной шар, не могут жить без солнца. Сделаем такой опыт: возьмем два совершенно одинаковых растения с корнями и посадим их в два ящика. Один ящик оставим на дворе, а другой поставим в совершенно темной комнате и будем следить за тем, как растут наши растения.

То, которое росло на дворе, будет сильно и зелено, то же, которое находилось в темноте, или совсем погибнет или вырастет слабым и бледным.

То же самое происходит с телом животных и людей, если на них не падает достаточно солнечных лучей.

В воде.

Приведем еще один пример: возьмем двух одинаковых щенков и будем их воспитывать—одного на дворе, а другого в подвале. Через несколько месяцев сравним их и увидим, что тот, который рос в подвале, отстанет в весе, будет слабый и более низкого роста, чем выросший на дворе. Каждому из нас приходилось видеть маленьких ребятишек с кривыми ножками и ручками, с большой головой и животом, часто бледных и вялых. Это дети, больные особой болезнью, называемой рахитом или английской болезнью. В большинстве случаев эти дети живут в подвалах, на чердаках, без солнышка, в спертом воздухе и при плохом питании. Без солнца у этих детей в костях не может откладываться достаточно солей (известковых и других, которые и придают костям их крепость). Такие кости—непрочны, легко сгибаются, и получаются кривые руки и ноги. Как мы лечим этих детей? Да, главным образом, стараемся вытянуть их на солнце и свежий воздух.

Из того, что я рассказал, видно, что без солнца не могут правильно развиваться ни растения, ни животные, ни человек.

Но надо еще помнить, что солнце оказывает сильное влияние на уже развившиеся части тела: оно укрепляет мышцы и кожу, улучшает состав крови, усиливает дыхание и т. д. Есть целый ряд болезней, которые мы лечим солнечными лучами, и на первом месте здесь стоит туберкулез.

Кроме всего этого, солнце нам приносит большую пользу тем, что его лучи убивают многие микробы. Заразные болезни вызываются живыми существами, называемыми микробами.

Если мы возьмем немного таких микробов (которые очень малы и видны только под микроскопом, с увеличением во много сотен раз) и вырастим их в стеклянной пробирке, затем какое-либо животное заставим с'есть эти микробы (например, микробы брюшного тифа), то животное заболеет брюшным тифом. Теперь возьмем эти микробы и подержим пару часов на солнышке и потом накормим ими животное,—оно или заболеет очень легко или совсем не заболеет, т. к. солнце или ослабило силу бактерий или совсем их убило. Вспомним еще, что микробы находятяс везде вокруг нас и мы поймем, какую пользу нам приносят солнечные лучи, убивая эти микробы.

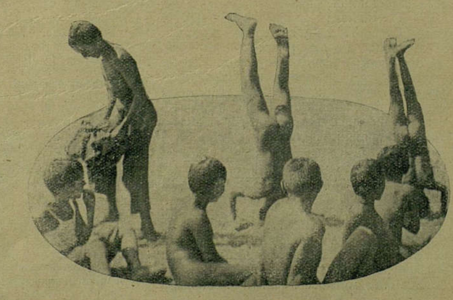
Из всего сказанного надо сделать вывод, что необходимо, с одной стороны, стараться, чтобы как можно больше солнечных лучей падало на наше тело, а, с другой, чтобы солнечный луч проникал бы и в наше жилище, падал бы на наше платье и на все предметы, насокружающие.

Но солнце при неумелом пользовании может стать и врагом. Надо строго помнить, что, если принимать солнечные ванны неправильно, то, кроме вреда, ничего не получишь.

Лови!

Многие ребята ходят в одних трусах и думают, что солнцем пользуются хорошо и в меру. Но это не так. Надо обязательно привыкать к солнечным лучам постепенно и лежа. Начинать солнечные ванны надо еще до выезда в лагеря. Самое лучшее время для лежания на солнце это $11^1/_2$ или 12 час. дня.

Солнечные ванны.....на голове.

К ПРИРОДЕ

как ими пользоваться летом

Где нужно лежать? В лагерях об этом не придется задумываться, так как около помещения всегда можно будет устроить площадку для лежания, в городе же, если нет площадки, то можно лежать на балконе, на плоской крыше, в крайнем случае, даже в комнате, если в нее попадает много солнечных лучей.

Нельзя лежать на солнце тотчас после еды. (По режиму в лагере ложатся через 3½ часа после еды). Лежать можно на кроватях (лучше всего полотняных), на палатках и на песке. Голову

За водой.

Кидай!

надо прикрыть чем-нибудь белым (косынка, платок).

Первый день ребята лежат на солнце только 10—15 минут. Затем каждый день удлиняют время лежания на 5 минут и доходят до 1 часа лежания на солнце.

Лежать надо, поворачиваясь через каждые пять минут к солнцу поочередно—грудью, спиной и боками.

Надо строго помнить, что без осмотра врачом нельзя пользоваться солнцем, так как по состоянию здоровья не всем ребятам можно лежать на солнце. Кроме того, если во время солнечных ванн чувствуешь головную боль, слабость, то приходится это лежание прекратить и опять посоветоваться с врачом. При повышенной температуре тоже не надо ложиться на солнце.

После солнечной ванны надо обмыть тело—выкупаться или облиться, обтереться холодной водой.

Пить кипяченую воду во время лежания на солнце—можно.

Вот если мы теперь присмотримся к тому, о чем здесь говорили, то увидим, что пользование солнцем тесно связано с пользованием воздухом и водой. Без воздуха, как все мы великолепно знаем, человек и животные жить не могут. При вдыхании человек потребляет составную часть воздуха —кислород, а выдыхает другую составную часть воздуха—углекислоту. Углекислота (иначе—углекислый газ) вреден для нашего здоровья. Если его в помещении становится много, например, когда в тесном помещении много находится людей (как иной раз это бывает в наших пионерских клубах), то тяжело становится дышать, кружится голова, появляется тошнота и дело может кончиться обмороком. Многим из наших ребят за зиму приходится находиться в тесных помещениях (школа, дома или клуб). И вот летом-то и надо стараться получить как можно больше свежего воздуха. Воздух должен быть чист от пыли.

Чтение на свежем воздухе.

Все занятия днем надо проводить на воздухе, а ночью спать при открытом окне.

Раз мы решили укрепить свое тело за лето, то к солнцу и воздуху надо присоединить воду. Вода—нужна нам для жизни. Человек может не есть несколько недель, но без воды он умирает, не прожив и недели.

Наше тело покрыто кожей. Кожа защищает нас от заразных микробов (если кожа здорова) и, кроме этого, через нее наружу выделяется то, что нам не нужно, отбросы—пот.

Если наша кожа грязна, то пот плохо проходит через нее (закупориваются отверстия—поры), скапливается в нашем теле и отравляет его. Тело человека летом грязнится сильнее и сильнее потеет, чем зимой, поэтому особенно старательно надо мыться летом. Руки надо обязательно мыть перед каждой едой с мылом, так как грязными руками можно занести к нам в рот вместе с пищей заразу (конечно, мыть утром и вечером тоже обязательно).

На солнце у реки.

■ ■ ■

НАША ЖИЗНЬ

Парад пионеров 23-го мая в Москве. Тов. Рыков обходит ряды пионеров

Парад юных пионеров 23 мая

Звуки горна и барабана резали воздух.

Это отряды пионеров 23-го мая, в день их переименования в юных ленинцев, шли по направлению к Красной площади.

— Левой, левой! Шура, пермени ногу! Левой, левой!—слышен голос вожатого. Барабан бьет мелкую дробь. Мимо прошел отряд. Вожатый отдал салют. И из соседних улиц и переулков выходят новые отряды, пристраиваясь в общую колонну.

...Дзинь-дзинь—бьют кремлевские часы без четверти десять. Все районы в сборе, занимают заранее отведенное им место. Отдыхаем. Четверть часа в нашем распоряжении.

. .Дзинь-дзинь—снова бьют кремлевские часы—10. Это время начала парада.

Колонны отрядов пионеров расположены на площади правильным прямоугольником.

Тов. Рыков принимает парад. Обходит колонны пионеров.

Вступительное слово говорит тов. Соколов, председатель Московского бюро юных пионеров, затем говорит тов. Рыков:

«Два года назад ваша организация получила имя Ленина. Ленин был отцом Октябрьской революции, вы, пионеры—дети Октября.

Обогащая себя знаниями, помогая своей работой партии и комсомолу, пионеры будут нести знамя Ленина и подготавливать себя к будущей борьбе и работе.

Будьте готовы!»

И шестнадцать тысяч пионеров, выстроенных на Красной площади, в один голос отвечают:

— Всегда готовы!!!

Развертываются отряды в одну колонну. Проходят церемониальным маршем у Мавзолея.

— Знаменосцы, склоните знамена! Вожатые, отдайте салют!

— Пионеры, будьте готовы!

— Всегда готовы!!!

Снова и снова слышен шестнадцатитысячный дружный ответ пионеров, проходящих через Красную площадь.

Пионер **Вятлов**.

Три поколения: старые партийцы, комсомольцы и пионеры.

Сбор на открытом воздухе

Отряд расположен далеко от имеющихся площадок. Лето. Где проводить сбор звена и отряда? Ребят в помещении не удержишь, и решили сбор провести в сквере. На этом сборе совет отряда постановил никаких бесед не проводить, а посвятить весь сбор играм.

Ребята пришли. Выстроились и начали заниматься фигурной маршировкой, все нянюшки с своими ребятами были в недоумении и удивлены появлением ребят-пионеров на сквере. Все присутствующие ждали, что дальше будут делать пионеры. Пионеры сели на скамейки и начали обсуждать отрядные вопросы, к ним присоединились много ребят неорганизованных и тоже слушали, о чем мы разговариваем.

Разбирали вопросы о 23 мая. Вожатый отряда нам рассказал порядок парада.

— Вопросов больше нет?

— Нет.

— Давайте играть в чехарду и эстафету.

— Кто желает играть?—предложили неорганизованным ребятам. Желающих нашлось много, и начали играть. Неорганизованные старались не отставать от пионеров. Сбор был проведен хорошо, все неорганизованные были довольны, и довольны были мы, что играли с неорганизованными.

— Споем, товарищи!

— Споем!

«Смотрит вожатый, смотрят пионеры, что за отряд показался вдали».

Ребята веселые отправились по домам.

Пионер 142-го отряда. **Л. Гинзбург.**

Москва.

Б. Юрцев.

Как у нас проходят звеньевые занятия

Утро. Ребята со всех концов собираются к отряду. Сегодня звеньевые занятия трех звеньев. Еще десять часов не пробило, а уже все в сборе.

«Ребята, сегодня красноармеец проведет с нами беседу о винтовке и гранате», об'являет звеньевой первого звена.

Ребята устремляются к красноармейцу, потом усаживаются на места, и беседа начинается. Интересная беседа! Разбираем винтовку на части, стреляем. После беседы сыплются десятками вопросы.

Беседа уже прошла, и красноармеец попросил пионера повторить ее вкратце. Тот сперва немножко стеснялся, но потом с помощью ребят рассказал хорошо.

После беседы - игры и песни. Большей частью мы играем в игру «Третий лишний», которая с особым интересом у нас проходит.

После звеньевого занятия ребята расходятся довольные.

Г. Лившиц.

. Г. Воронеж, 21 отряд, 1 район.

От редакции: Одновременно с улучшением внешности газеты не нужно забывать о содержании и, улучшая внешность газеты, не надо ухудшать содержания.

КАК МЫ ИЗУЧАЛИ ДЕРЕВНЮ

В этом учебном году наша школа еще теснее связалась с деревней. К изучению деревни ребята проявили большой интерес. Изучение деревни по книге оказалось недостаточным, и всем ребятам захотелось вести изучение путем переписки, экскурсий и т.п. Была выделена ребятами комиссия в составе трех человек (пионеры все трое), которой и было поручено организовать связь с деревней. Возложенное задание комиссия выполнила.

Первое, что мы сделали—послали письмо деревенским ребятам, в котором просили завязать с нами переписку. В конце письма поставили очень интересующие нас вопросы, на которые просили ответить.

Прошло много времени, ребята уже потеряли надежду на получение ответа. Но письмо пришло; ребята встретили его с большой радостью; деревенские ребята, в свою очередь, ставили нам вопросы, интересующие их. Так у нас завязалась переписка.

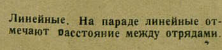
Захотелось нам послать в деревню подарок. Решили, что покупать его не стоит, а лучше сделать собственными силами. Это будет интересней. Подарок наш состоял из самодельного календаря. Каждый ученик брал себе какое-нибудь число листков. Размер листка—тетрадный. На лицевой стороне писал месяц, число, день, восход и заход солнца и рисовал рисунок. На обратной—писал статьи, отвечая на вопрос деревенских ребят, или же описывал городскую жизнь, школу и т. п. После все эти листки сшивались и прикреплялись на картон, на котором было также что-нибудь нарисовано. Таких календарей отправили три.

За это от деревенских ребят в ответ получили также календарь и письмо. После годового изучения деревни была организована выставка, на которой было выставлено много экспонатов. Но подошли зачетные периоды, и ребята оставили деревню, а все свое внимание сосредоточили на учобе.

В будущем году мы еще крепче и лучше будем крепить связь с деревней, помня основной завет Ильича—смычка рабочих и крестьян.

Всеволод Лебедев.

9-я школа МОНО имени Томаса Эдисона.

Линейные. На параде линейные отмечают расстояние между отрядами.

В ожидании парада.

Пей скорей!

ЧИТАЙТЕ ГАЗЕТЫ и ЖУРНАЛЫ

Во всех отрядах плохо обстоит дело с газетами и журналами. Ребята почти совсем не читают и мало придают значения чтению газет и журналов. А на самом деле читать газеты необходимо,—они знакомят пионера с внутренним и международным положением страны. Из пионерских газет он может узнать, как работают пионеры в других отрядах, и хорошие стороны работы перенести к себе в отряд. Раньше мы не могли уделить много времени для чтения газет и журналов, потому что были заняты в школе, а сейчас мы не занимаемся, поэтому можно ежедневно уделять несколько часов для чтения.

Уч. 11-й шк. Л. Г—рг.

Г. Москва.

Отряд пионеров в Алтае.

ПИОНЕРЫ ВОСТОКА

КАК ЖИВУТ ПИОНЕРЫ УЗБЕКИСТАНА

Ташкентские пионеры.

Зачатки пионердвижения в Узбекистане появились года три тому назад, когда под руководством Узбекистанского комсомола из детей рабочих, дехкан и батраков организовались первые отряды юных пионеров узбеков.

За последнее время организация юных пионеров начинает крепнуть, и отряды вовлекают в свою работу все большее и большее количество детей. Отряды организовываются при школах, детдомах, клубах, ячейках в городе и при школах в кишлаках (деревнях).

Несмотря на то, что работа улучшилась, все-таки много есть недостатков, например, дети дальних кишлаков, которые совершенно оторваны от культурных центров огромными расстояниями, живут еще по старым законам Корана.

Родители не пускают своих детей в отряды пионеров. Нехватает средств на работу, в далеких кишлаках слабо руководство и поэтому слабо работают отряды.

Но партия и комсомол помогут нам изжить эти недостатки.

Раньше дома отец, мать и родственники говорили, что учиться грамоте - дело лишнее и необходимо только уметь читать Коран, и об учении мы не имели никакого понятия.

Пионеры Бухары.

Когда в Узбекистане стала появляться новая школа, то дети баев (богачей) и торговцев пошли учиться, а дехканские и батрацкие ребята, как дети самых темных и забитых, боялись школы.

И не учились мы потому, что по старым обычаям Востока ослушаться старших—большой грех. Тогда в Узбекистане стали организовывать для детей бедноты детские дома, через которые втягивали их в учобу.

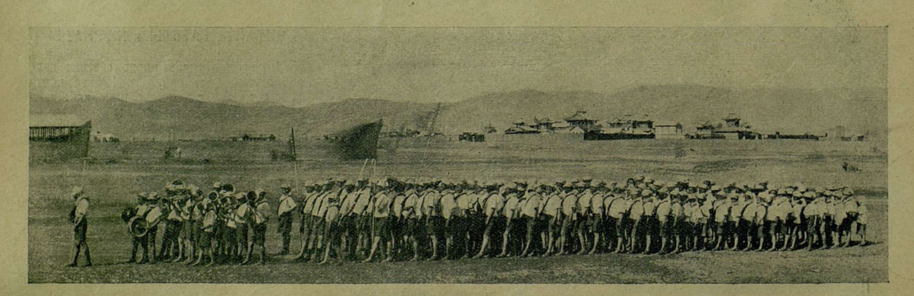
Теперь дехкане и батраки Узбекистана поняли значение учения и охотно начали отдавать своих детей учиться в школы не только в Узбекистане, но и даже посылать в Москву, Ленинград и др. города СССР.

Теперь дети наших дехкан и батраков, живя в Москве, приобретая там знания и знакомясь с работой московских пионеров, приезжая к нам в Узбекистан, помогут нам наладить работу.

Вы, товарищи учащиеся в Москве, должны помочь нам в работе своим опытом и знанием. Ваш долг—присылать нам сюда в Узбекистан письма, делиться своим опытом работы. В свою очередь и мы будем писать вам о своей работе.

Мы надеемся—вы нам поможете, и наша работа улучшится, и мы подготовим из себя надежную смену.

Узбекистанский пионер **Акбаров.**

Монгольские пионеры в походе.

Пионер *Александр Аристов*

ПОБЕДИЛ

1
СОПЕРНИКИ

На всю деревню славился Ванька Серов, и ребята с уважением относились к нему. Всегда около него толпились босоногие сверстники.

А сила у Ваньки большая. Руки—как клещи, заграбастуют какого-либо озорника, ну и пошли тереть, как жернова муку. Были крупней и сильней Ваньки мальчишки, да что-то к ним не так льнули ребята. Все в тех чего-то недостает.

Сильный Ванька, находчивый, во всех спорах победитель, а глаза так и светятся, как впотьмах у кошки. Где Ванька, там и ребята: Ванька на Иртыш—они за ним, Ванька в лес за орехами - они тоже. Где бы что ни случилось,—Ванька здесь, значит все спокойно. И ребята верили в Ваньку больше, чем в себя.

На лето в деревню приехал к дяде Егору его племянник Сенька. Дядя Егор—богатей деревенский и своего племянника в городе обучал.

Сенька был очень фасонистый парень. В картузике с блестящим козырьком, всегда в чистой рубахе, перепоясанной лаковым ремешком, в начищенных сапожках. Сенька—самолюбивый парень, занозистый, быстро забрал всех ребят в свои руки.

Сразу все переменилось. Ванька чувствовал в прибывшем своего злостного соперника. А ребята покинули Ваньку и все дни проводили с приехавшим Степкой.

Издали наблюдал Ванька, как плескались в Иртыше ребята под предводительством Степки.

2
ДВА ОТЧАЯННЫХ ПРЫЖКА

Куда Степка, туда и ребята. И Ванька, жмурясь от жаркого июльского солнца, как партизан, карабкался, низко пригибаясь к острой скалистой горе.

Клокотала, как в котле, ненависть в груди, и серые сверкающие глаза искрились непоколебимым решением—это... победить Степку. Близко, совсем близко подполз и выглянул из-за бурой скалы. Внизу, шагах в 20-ти, барахтались в Иртыше ребята.

— Во... я... сигну откуда!—кричал Степка, показывая на обрывистый берег.

— Не сигнешь! кричали ребята, а сами, затаив дыхание, глядели на Степку.

Во, гляди... и Степка, сделав большой разбег, оторвался от берега.

Не выдержал, выбежал из своей засады, глянул в самую гущу ребят. Сверкали глаза Ваньки, с ненавистью, но с уважением протянул руку раскрасневшемуся Степке.

— Ай, и смелый ты,—глухо проговорил Ванька, а ребята ближе жались к Степке. И Ванька решил:

— Это все ерунда... А вот сигни оттелева,—и рука Ваньки указала на грозную саженную скалу.

Степка с разбега оттолкнулся от скалы.

— Сигну!—езнул решительно Степка.

— Не сигнешь!—подзадорил Ванька.

— Нет, сигну! Это для меня чепуха,—похвастался Степка, а сам нерешительно полез на крутую скалу.

Присел Ванька, побледнели коричневые щеки. «Аль сигнет»—пронеслось в голове. А ребята совсем отвернулись от Ваньки и, затаив дыхание, глядели, как Степкино коричневое тело карабкалось на макушку скалы. Вот он долез, разбежался, но, добегая до обрыва, нерешительно остановился. Ликовал Ванька. «Не сигнет. Боится!»... И ребята вопрошающе поглядели на Ваньку.

— А... я... сигну, вот крест, сигну, а ты не сигнешь!—и сам полез на скалу.

Отойдя от обрыва шагов на двадцать, Степка со всего разбега оттолкнулся от скалы, как камень, мелькнул в воздухе и шлепнулся в Иртыш. Ванька с большим уважением глядел со скалы на вылезающего из воды Степку.

— А ты не сигнешь,—хвастливо заорал Степка,—я вот ничего не боюсь.

— Это все ерунда—откликнулся Ванька, а сам почувствовал, как дрожат колени. Глянул со скалы вниз, а там далеко бьется Иртыш,—пожалел, что похвастался. А ребята ожидающе смотрели на Ваньку и видели они на скале того же прежнего Ваньку, который никогда не отказывается от своего слова. С одного разу прыгнул, врезался головой в волны, вынырнул окруженный вспенившимися пузырями.

— Ай да Ванька,—заорали ребята,—ай да смелый!

— Это для меня плюнуть,—хвастался, вылезши из воды, Ванька.—Я вот сигал не с таких,—и указал на вершину пятисаженной скалы.

Ребята почувствовали ложь в Ванькиных словах, но, боясь тяжелых кулаков, молча отошли к лежавшему на песке Степке.

3
БУРЯ НА ИРТЫШЕ

Боевой Степка, смелый,—вот что ценили ребята, а главное—простой, и полюбили они его в несколько дней. Косился Ванька, сам не свой,—все что-то думает, и ребята сторонились, боясь Ванькиного гнева. Дичился Ванька Степки, но все же поехал под его предводительством.

А находчив Степка: на лодку на шесты привязал мешки, как парус, и поплыли вниз по Иртышу. Сидел Ванька за веслом и глядел из-под нахмуренных бровей, как Степка управлял рулем.

— Я атаман, а вы разбойники, мы словно грабить едем,—говорил Степка, а сам, подбоченясь, «орлиным взглядом» озирал темные, пенистые волны Иртыша. Выплыли на середину, сильное течение с быстротой чайки понесло лодку вниз по Иртышу. И не заметили ребята, как сзади догнала их черная грозовая туча. Подул сильный, холодный ветер.

Парус лодки надулся, как мыльный пузырь, а лодка, развив скорость и ныряя в седые гребни волн, начала захлестываться водой.

Завопили ребята: «Поворачивай к берегу!» А Степка, смеясь над их страхом, как нарочно направлял лодку на самое быстрое течение.

Загрохотал гром, заблистали молнии, и на середине ревущей реки замелькала с обтрепанным парусом лодка, а в ней мелькали пять русых голов...

Растерялся Степка, высокая седая волна с диким ревом обрушилась на лодку. Растерялись и ребята. Но Ванька не растерялся,—нашлепывая одного и другого, он расставил их на разные «должности».

— Выкачивай воду! Ты, Зайка, сядь у руля. Эй, Шалай, снимай парус,—возбужденно раздавался его голос. Высокая, грозная волна схватила под свой покров борющуюся за жизнь лодку.

Закричали ребята, перекувыркнулась вверх дном лодка, и на поверхности Иртыша забарахтались пять живых существ.

— Хватай лодку,—борясь с волнами, закричал Ванька.

Тратя свои последние силы, ребята руками ухватились за дно перекувыркнувшейся лодки, но под тяжестью пяти тел лодка все ниже и ниже опускалась вниз. И в каждом мозгу шевельнулась мысль. Первый начал Ванька:

— Лодка нас не выдержит,—прохрипел он и взглянул на бледного, испуганного Степку. Степка понял этот полунемой вопрос и еще крепче ухватился за дно тонущей лодки. Холодные волны окатывали головы неудачливых ребят. И Ванька пристально поглядел в голубые глаза Степки.

—А все-таки ты трус, — выговорил Ванька и, почувствовав, что лодка еще глубже ушла вниз, разжал пальцы.

Глухо ревел Иртыш, и на поверхности его боролись со смертью несколько человек. И когда на горизонте показался кусок чистого голубого неба, то на берег Иртыша выкинуло вместе с перекувыркнувшейся лодкой четырех полуживых ребят.

Один из них, который был постарше всех, приложив ладони рук к губам вроде рупора, громко, изо всей силы, закричал: «Ванька»... Но ему откликнулись грозно грохочущие волны буйного седого Иртыша. И из голубых глаз Степки бисером покатились крупные, горькие слезы.

Степка еще крепче ухватился за дно тонущей лодки. Холодные волны окатывали головы ребят.

Б. Юрцев

Рис. В. Сутеева

АЛЕКСАША ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ЛАГЕРЯ

Дорогая товарищ редакция!

Я из'являю тебе большое спасибо за то, что ты пропечатала мою первую статейку о деятельности нашего геройского звенового Алексаши Промокашкина в области борьбы с беспартейными элиментами среди неорганизованных ребят. Я твердо думаю, что эту его деятельность не обойдут с равнодушным видом. Пионеры нашего пролетарского Союза учтут ее и оценят, как надо.

Передай твоему художнику, что срисованные им портреты Алексаши, Леньки Кишки, Петьки Пуговицы, а также мой автобиографический портрет, вышли очень художественными и, главное, даже похожими. Он у вас ничего,—способный живописец.

Теперь, дорогой братуха редакция, так как скоро все наши родные братья-пионеры затрогаются по лагерям, я опишу, как мы трогались туда же в прошлом году.

Итак,

Описывать сейчас начну,
Вот только ручку обмакну.

Лето...

Как хорошо стало на сердце у каждого пионера, что наступил летний сезон.

Рано утром, часа в три, наш отряд единогласно собрался в условленном месте.

Кое-какое барахлишко решено было отправить на лошадях, а переход в лагерный пункт мы решили сделать пешком, потому как закаленности у нашего отряда было хоть отбавляй, а до пункта всего двадцать восемь верст.

Геранью Алексаше попало в череп.

Надев сумочки на плечи, захватив знамя, горн, барабан и десятка два разных шумовых инструментов (ведра, бидоны, листы фанеры и железа) для того, чтобы войти в деревню с апломбом, отряд построился в две шеренги и вытянулся в струнку.

Скоро к шеренгам подошел наш вожатый Миша Пупыркин и обратился с речью.

— Товарищи, — сказал он,—нам предстоит сегодня сделать небольшой переход. Стройными рядами промаршировать эти жалкие двадцать восемь верст — будьте готовы!

— Всегда готовы!—привычно сказали мы.

— Я надеюсь, — продолжал Миша, — что никакое малодушие не сунет своего малодушного носа в наши стойкие ряды. Поведет отряд моя правая рука — вожатый звена «Красный Молоток» Алексаша Промокашкин. Я же, между прочим, буду взад-вперед ездить на велосипеде для обследования местности.

Через полчаса после речи Миша уселся на велосипед, Алексаша, накрепко привязав к себе шумовой жбан, скомандовал: «Шагом марш!» Горнист загудел в горн, барабанщик ударил в барабан, шумовики грохнули в свои инструменты, и отряд организованно и стройно двинулся вперед.

Этот уход наш из города надолго оставил неизгладимое впечатление. Мы прошли сквозь весь город, а так как все жители спали с открытыми окнами, то там, где мы проходили, эти жители вскакивали с постелей и полураздетыми выскакивали к окнам. Они провожали нас криками, наверно приветственными, но мы из-за нашего шумового марша не могли расслышать никаких слов. Отовсюду нас осыпали цветами, и одной геранью в горшке Алексаше попало в череп.

Уход был очень эффектный!

Первые три часа пути ребята изо всех сил оглашали воздух веселыми песнями.

На небе не было ни одного барана.

Самоотверженные ряды скоро облились потом, и веселые песни перестали вылетать из мощных грудей.

Невысоко взошло солнце, и, конечно, ликовала земля. Ей что...

Ребята разинули рты, высунули языки и зашагали, как фокс-терьеры (это такие собаки с отрубленными хвостами и короткими мордами).

Дальнейшее прохождение, товарищ редакция, я описывать не буду, так как

Жители вскакивали с постелей.

почему-то оно плохо мне запомнилось. Помню только, что кто-то скомандовал «итти вольно», кто-то выдумал новый способ хождения—на четвереньках, кто-то предложил, для разнообразия, передвигаться ползком, а вещи катить по земле...

Дальше, как какой-то сон, прошли еще четыре часа.

Наконец, Миша, который все время резво катался вокруг отряда на велосипеде и бодрым словом подбадривал ребят, ловко спрыгнул с велосипеда и громко прокричал:

— Отряд! Стой!

Ребята подтянулись и встали под горкой.

— Товарищи, — сказал Миша, — мы пришли. Нам осталось подняться на горку и спуститься под нее и мы—на месте назначения. Но подняться и спуститься надо не как-нибудь. Надо показать всю организованность до последней капли крови. А так как все мы чувствуем некоторую дозу утомленности в наших закаленных телах, то ляжем недвижимыми на полчаса и наберемся энергии для причитающегося входа в деревню, при участии песен и другого шумного аккомпанемента.

Это были наши первые мертвые полчаса, которые, наоборот, даже оживили ребят.

Дальше, товарищ редакция, случился трагичный случай:

мы выстроились, надели инструменты и стали подниматься на горку. Не доходя несколько шагов до конца горы, Алексаша сказал:

— Раз, два, три,—махнул своей пионерской рукой, и леса, луга, долины и дальние окрестности на несколько верст

Бык страшным рогом ударил в жбан.

в окружности огласились неслыханным до этого времени шумовым маршем, а наши стройные ряды, перевалив гору, начали спускаться под горку.

И вдруг, вместо громкого марша наших инструментов, мы стали слышать совсем неожиданные звуки.

В воздухе раздались кошмарно-дикие блеяния, мычания, вырванные из сотни козьих, телячьих и коровячьих туш, испугавшихся нашего шумового марша.

Перед нашими глазами раскинулась небольшая, зеленая площадка, разлегшаяся перед рощицей, а по ней, задрав хвосты, скакали, прыгали, метались сотни бешеных домашних зверей, испускавших отчаянные крики.

Отступать было поздно. Усилив звуки в своих инструментах, отряд наш дисциплинированно врезался в самую середину взбесившегося домашнего зверинца.

И вдруг, не успел отряд моргнуть глазом, как волосы у нас встали дыбом, и все пришли в какой-то ужас.

Нашим глазам представилась кошмарная картина: из середины стада вынырнул колоссального размера бык, черного цвета, и, опустив налитую кровью голову, устремился на нашего Алексашу Промокашкина. Алексаша не растерялся: он быстро бросил жбан и, как ветер от урагана, устремился под горку вслед за вожатым Мишей, который ехал впереди на велосипеде.

Наши инструменты сразу замолкли. Гремел лишь Алексашин жбан, который Алексаша хоть и бросил, но отвязать не успел, и тот теперь подпрыгивал на небольшом расстоянии вслед за Алексашей.

Миша на велосипеде, за ним—Алексаша, за Алексашей—жбан, за жбаном—раз‘яренный бык бурей скатились под горку и отчаянно начали мчаться на новый бугорок, устремляясь к рощице. Вдруг Миша, взлетев наверх бугорка, ринулся по другую его сторону, исчез из наших глаз. Вся тяжесть опасности упала на одного Алексашу. Алексаша домчался до одного дерева, стоявшего на гребне бугорка, и, как тигр, вскарабкался на него, оставив жбан на земле. Это ему позволил длинный размер веревки. Наполненный злом бык с бешеного разбега ударил страшным рогом в Алексашин шумовой жбан. Жбан, проткнутый навылет, моментально наделся на этот страшный рог. Бык испустил яростный крик и с ужасом, задрав хвост, ринулся в сторону и... здесь оглушительный крик ужаса выскочил из наших грудей... Бык дернул жбан, жбан—веревку, веревка—Алексашу, Алексаша—сук, и сук, не выдержав столько дерганий, обломился; Алексаша, перевернувшись вверх тормашками, устремился вниз и... пропал из наших глаз так же, как перед ним пропал Миша с велосипедом.

Бык с шумовым жбаном на роге с ревом поскакал в сторону.

— Спасайте! Спасайте! Спасайте!— вдруг услышали мы нечеловеческие крики Алексаши и Миши, летевшие из-за бугорка.

Мы с быстротою молнии бросились туда, и новая кошмарная картина потрясла нас с ног до головы. Мы увидели, что другой стороны у бугорка не было и то пространство, куда Миша с велосипедом и Алексаша исчезали из наших глаз, было большим обрывом. Отважные тела Алексаши, Миши и Мишиного велосипеда были видны только наполовину, остальные половины по Алексашину и Мишину грудь утопали в зловредно смердящей воде, в грязи и в тине вонючего, заросшего пруда. Видимые же простым глазом половины тел были облеплены грязно-зеленой тиной, которая текла с них.

— Спасайте! Спасайте! Спасайте!— чужим голосом сквозь набитый грязью рот орал Алексаша.

— Спасайте! Спасайте! Спасайте! — стараясь попасть ему в тон, вторил Миша.

(Велосипед молчал).

Терять время было нельзя. Мы быстро сняли с себя походные мешки, отвязали от них лямки, связали их друг с другом и бросили погибающим друзьям. Те ухватились за концы, Миша, кроме того, ухватился за велосипед, и мы, разделившись пополам, стали вытягивать утопавших.

Через несколько минут при дружном пении «Дубинушки» Алексаша, Миша и велосипед были извлечены из предательского пруда целиком и полностью. Только Миша и Алексаша не были похожи ни на Мишу, ни на Алексашу. Перед нашими светящимися радостью глазами предстали два зеленокожих человека. Грязь ручьями струилась с них. Но все-таки мы были счастливы, что это ужасное происшествие окончилось благополучно, и наше ликование осталось бы без конца, если бы тут его не дезорганизовал Алексашин искренний друг Ленька Кишка.

— А ты, Алексаша, здорово струсил,— вдруг сказал он, устремив на пострадавшее тело Алексаши свой ехидный глаз.

— Кто струсил?! Я струсил?!—возмутился Алексаша, потрясенный невиданным оскорблением.—Докажи! Когда я струсил?!

— А когда орал «спасите»,—несознательно продолжал Кишка.

— Врешь, кишкастая рожа!—загремел Алексаша,—я орал не «спасите», а «спасайте».

— Это все равно,—сказал Кишка,— раз орал «спасайте», значит струсил.

— Дубина!—крикнул Алексаша, — я орал, чтобы вы спасали не меня, а быка, которого я хотел разорвать в клочья!

После этого всем стало ясно, до чего у Алексаши много храбрости. Его авторитет, несмотря на то, что он был измазан до невероятности, приподнялся еще на 50%, а Леньке пришлось замолчать.

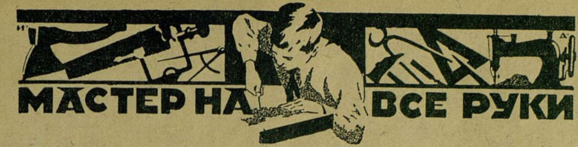
После этого мы двинулись через деревню в свои жилища. Встречать нас высыпала вся деревня без малейшего исключения. Центром всеобщего крестьянского внимания был героический Алексаша.

На этом, товарищ редакция, кончаю описание нашего отправления в лагеря, которое покрыло все тело Алексаши неувядаемой славой перед лицом нашего отряда (хотя сделало его в то же время на две недели зеленым от купанья в тинистом пруду). Если оно заслуживает благосклонного внимания, то помести его на тех же страницах, а я тогда сяду писать статью о самой деятельности Алексаши среди населения,окружавшего наши лагеря.

Опять с тем же к вам приветом
деткора беззаветного,
пионера незаметного

Ивана Катаева.

Город Баланда. Июня, того же года.

Ник. Лебедев

СОЛНЕЧНЫЕ ЧАСЫ

Простые солнечные часы. На пеньке срубленного дерева в середку вбивается длинный гвоздь. В солнечный день вы берете в руки свои карманные часы и карандаш; идете к пеньку. Терпеливо выжидаете, когда стрелки часов будут показывать ровные числа 10, 11, 12, 1, 2 и т. д., и карандашом отмечаете положение тени на пеньке. Вот и готовы солнечные часы.

Если нет пенька, можно врыть столбушок, к нему прибить четырехугольную (рис. 1) или круглую дощечку, на которой нарисовать цифры. Наконец, можно гвоздь вбить в забор, в стену, как делают плотники, когда строят дом и по тени узнают, когда им надо итти шабашить.

Попробуйте и вы сделать себе такие часы, но необходимо помнить, что их надо через 2—3 недели проверять по нормальным часам. Еще легче солнечные часы сделать на земле, на полянке, которую надо очистить от травы и сора.

Цифры часов тогда можно изложить из меньших камушков (рис. 2) или написать цифры на больших камнях.

Солнечные часы более сложные, но и более точные. Возьмите гладко выструганную широкую доску, а еще лучше—фанеру. Придайте ей круглую форму, начертите круг для цифр часов и разделите циферблат на 24 одинаковых части (рис. 3).

Можно взять и не круглую доску, а четырехугольную (рис. 4). В центр круга на доске вденьте длинный гвоздь. Гвоздь должен стоять совершенно отвесно, под прямым углом к доске, что нужно проверить по прямоугольнику. Прямоугольник можно получить из бумаги, если ее перегнуть крест на-крест два раза.

Вот и солнечные часы готовы. Кажется, на что проще. Но секрет здесь в том, что часы эти должны быть поставлены не как попало, а п о д н а к л о н о м, п о д у г л о м, р а в н ы м ш и р о т е д а н н о й м е с т н о с т и.

Отыскивать широту мы будем по Полярной звезде, сделать это нетрудно.

На том месте, где вы хотите устроить себе точные солнечные часы, а место это должно быть открыто, не затенено от солнца и хорошо видимо со всех точек,—на этом месте вы врываете столб (рис. 5).

Этот с т о л б (К) лишь приваливаете землей, но землю самую не у м и н а е т е, чтоб столб можно было легко повернуть в нужную вам сторону.

К столбу прибиваете горизонтальную планку АБ только о д н и м г в о з д е м, чтоб она могла свободно вращаться. Вот и все приготовления.

В хороший, безоблачный, звездный вечер вы идете к своему приспособлению, отыскиваете Полярную звезду.

Как найти Полярную звезду. Это уж совсем простая вещь.

Я не сомневаюсь, что вы все знаете Большую Медведицу, это самое яркое и крупное созвездие.

Поглядите хорошенько на нее и мысленно, через звезды А, и В (рис. 6) проведите линию и продолжите ее дальше. Теперь мысленно представьте себе огромный циркуль, одна ножка которого упирается в звезду а, а другая в последнюю звезду «хвоста» Б. Медведицы (на нашем рис. 6). Как бы циркулем отложите на линии, проведенной через А и В такое же расстояние, как и до конечной звезды в «хвосте». На этом расстоянии, на продолжении линии А—В вы найдете яркую звезду—это и есть Полярная звезда. Ее знают все путешественники и все мореплаватели.

Запомните хорошенько ее и вы. Если вы станете к ней лицом, то перед вами всегда будет с е в е р, позади ю г.

Если вы при этом протянете в стороны руки, то направо у вас будет в о с т о к, а влево—з а п а д.

Вы научились находить Полярную звезду. Теперь будем продолжать устройство своих солнечных часов.

> **Ребята!**
>
> **Читайте в ближайших номерах журнала рассказы:**
>
> **Ник. Богданова**—Николкина неудача.
>
> **А. Кожевникова.**— Почтовые марки.

Поворачивая слегка столб К вправо и влево и планку АБ вверх и вниз, вы устанавливаете прибор так, чтобы планка АБ «смотрела бы» на Полярную звезду. Для большей точности установки на верхнем крае планки, который должен быть очень прямым, можно прибить по концам два гвоздика (К и М) (черт. 5).

При наводке глаз гвоздики и Полярная звезда должны находиться на одной прямой.

Когда вы таким образом установили прибор, то планку АБ надо на столбе К закрепить неподвижно 2—3-мя гвоздями.

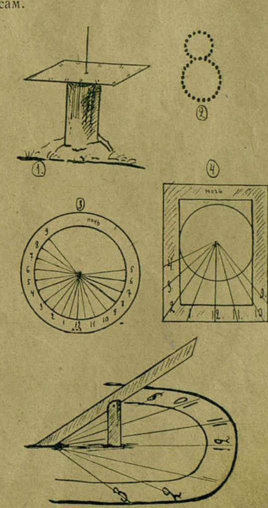
Закрепив неподвижно брусочек АБ, утопчите плотнее землю вокруг столба. Еще раз проверьте установку. После всего в установленном приборе на приподнятый его конец Б вы можете прибить или привинтить свой циферблат (см. рис. 7) цифрой «12» вниз,—это будет полдень.

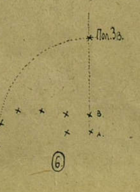
Широту своей местности можно найти еще другим способом в любой географии, на географической карте и почти всегда в любом настольном календаре. Не беда ошибиться на 1 градус. Устанавливать наклон часов тогда надо по транспортиру. Установленные таким образом часы—готовы. Безусловно точные, не требующие никакой проверки, часы.

Можно устроить большие солнечные часы. Для этого в землю наклонно (по широте опять-таки своей местности) вбивается кол (рис. 8).

На земле расчерчивается циферблат; цифры или выкладываются цветными камушками или отмечаются большими камнями с надписями.

При разбивке циферблата у таких больших часов на земле полдень—«12» часов—ляжет прямо против указки, т.-е. куда будет «глядеть» (наклонена) указка, туда ляжет и тень в полдень, но цифры для остальных часов необходимо поставить опят-таки по своим карманным часам.

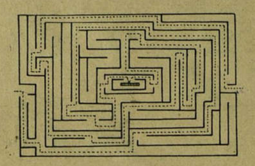

Решения задач, помещенных в № 9

№ 32

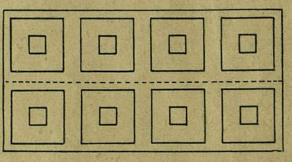

№ 46 шарада

(ИСНЕНКОВА И.).

Мое начало тихий звук,
Часто слышится вокруг,
Если ясная весна,
Все начнет будить от сна.
Этот звук дает всегда
С крыш бегущая вода.
А второе (уж в конце)
Краской красной на лице
Выделяется у всех,
С них звенит частенько смех,
Ну, а целое нщи
Окуная ложку в щи.

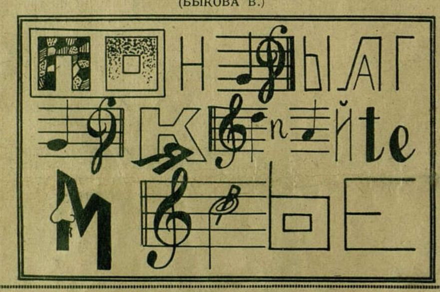
№ 48. Задача букв

В пионерском клубе был кусок обоев размером 16 в.×8. Им нужно было заклеить пространство в 32 × 8. Пионеры разрезали обои вдоль на две половинки и готовились склеить. Но один из пионеров попросил их обождать. Подумав, он разрезал одну половинку на две части, а другую на три и заклеил ими нужное пространство так, чтобы вместо квадратиков получился рисунок в виде одной непрерываемой ломанной линии. Как он это сделал?

№ 47. РЕБУС

(БЫКОВА В.)

№ 33

№ 34

р — О — к.
Р — А — к,
Р — ы — К — о — в

№ 35

Со — ЮЗ.

№ 36. Д за Д ар в + атс + ует + ′пер(о)во + ема + яд + (п)ень + (в)инт + ре + национал + + (н)абора + очи + х и кресть + янв + сег + + о + ми + ра.

«Да здравствует первое мая—день Интернационала рабочих и крестьян всего мира».